

ВЛАДИМИР БЕРЯЗЕВ

ЗВЕЗДА И КРЕСТ СТАНИСЛАВА ЗОЛОТЦЕВА

Мы дружили с ним последний десяток лет, его десяток, до самого конца в феврале 2008-го.

Зацепились друг за друга в конце 90-х на одном из пленумов СП России, повспоминали первую встречу в 1989-м, когда он был одним из руководителей последнего Всесоюзного совещания молодых писателей, а я – семинаристом, в числе других принятым тогда в Союз писателей России. Сразу возникла взаимная симпатия. С той поры, с эпохи катящегося под откос Советского Союза, я запомнил его вдохновенный пафос в моменты, когда он начинал рассуждать о поэзии, о русской или британской, о настоящей, подлинной, высокой, о той, которой служил с самой юности, даже с детства, будучи привит к ней, как яблоневая почка к большому стволу. Словно в саду деда под Псковом, отцом и мамой, сельскими учителями, всю жизнь проработавшими в пушкинских местах, неподалёку от Михайловского и Святых гор, а позже – в Ленинградском университете, где получил блестящее филологическое образование.

Такого рыцарского отношения к поэзии, где понятия честь и служение – не звук пустой, я, честно говоря, более ни в ком не встречал. Это относилось в первую голову к русской поэзии, к небесному имени Пушкина, недаром он семь лет подряд вёл Пушкинские дни во Пскове, с беспощадностью к себе этому празднику отдаваясь и выкладываясь. Но это касалось и поэзии в целом, скажем, и его любимых британских поэтов, предмета научных изысканий в молодые годы (в аспирантуре на кафедре зарубежной литературы МГУ он защищал диссертацию по творчеству Дилана Томаса). Это с не меньшей страстью выражалось и в его трепетном отношении к древним эпосам: он с восторгом приветствовал полное издание мансийского героического эпоса “Мадур-Ваза победитель” в 2001 году в гениальном переводе Сергея Клычкова. Он писал мне по этому поводу: “Это первое переиздание после 1932 года. Поверь, не преувеличиваю, говорю это как человек, всю жизнь занимающийся эпосами и мифопоэмами: сия мансийская вещица не только “Фауста” посильней, но и “Гэсэра”, и “Джангара”, и “Калевалы”, и “Нибелунгов”. А на русском она, по крайней мере, вровень с бунинским переложением “Гайаваты”.

Поэзия была его воздухом, смыслом его существования, благо, в советские времена можно было жить только этим: читать, писать, ездить по всему Союзу в командировки, выступать перед слушателями на всём пространстве от Камчатки до любимого Таджикистана, от родных североморцев до разлитанно-поэтических грузин, можно было писать многостраничные письма друзьям-поэтам – Вишнякову в Читу и Кобенкову в Иркутск, а иногда по часу висеть на телефоне, обсуждая с теми же адресатами ту или иную публикацию.

ты точнее ухватил их психологию здесь. А по музыке — дивная часть из семи строф после этого, то есть “Оберегом-крестом на груди: не суди, милый мой, не суди” и т. д. И ты очень умело составил (и словесно, и по интонациям) ряд, где наши ребята суть продолжение воинов Невского и Донского. В пространстве Русского Космоса действительно они рядом — Павлов, Евпатий и 6-я рота. . . Но, Боже, знал бы ты, Володя, как унижены они, эти ребята, здесь, в России, на родине. В каких конурах живут и какие гроши получают. Они обмануты всеми. Представь себе, в местной газетке рекламное объявление: офицеры-десантники с опытом боёв в Чечне и др. горячих точках предлагают себя в качестве охранников чего угодно. Вот так! Тошно от этого всего”.

Сегодня экземпляр поэмы хранится в музее 6-й роты во Пскове.

Могу лишь сказать, что Станислав Золотцев, как и многие другие русские поэты, заплатил за все труды и победы таланта своим сердцем, честным и доблестным сердцем, сердцем, которое, по словам хирургов, было истерзано, истрёпано в прах. Он лишь несколько лет назад опубликовал на страницах нашего журнала “Сибирские огни” большую статью “Время гибели поэтов” о том, что в 90-е годы в России ушло из жизни поэтов и писателей едва ли не больше, чем в Великую Отечественную войну. В результате и сам, хоть и немного позже, оказался в их числе.

За несколько лет до своей тяжёлой сердечной болезни он в письме ко мне доверительно рассказывал о посещавших его мыслях оставить мирскую суету и удалиться в пустынь: “После всех прошлогодних лечений и передрыг мне необходима жизнь совершенно без всяких нервных перегрузок. Но, сам понимаешь, для этого надо жить в монастыре. Игумен одной малой обители под Изборском, рядом со Словенскими ключами, в совершенно святом и волшебном урочище, предлагает мне на год трудником — всерьёз, как испытательный срок перед постригом”. Однако этому не суждено было сбыться, остановило, по его собственному признанию, казалось бы, мелочь, но для него оказавшаяся непреодолимой — пристрастие к табаку, от которой следовало жёстко отказать-отречься. . . Не смог.

Станислав Золотцев был верным работником и одним из самых активных авторов “Сибирских огней”, любил повторять, что большая честь быть ведущим критиком и публицистом старейшего в России “толстого” журнала. За последнее десятилетие он опубликовал в нём роман-исследование “Искатель живой воды” о писателе Сергее Маркове, документальную повесть “Непобеждённый?..” о своём участии в защите Белого дома в октябре 1993-го, страницы псковского дневника “Перезвоны Словенских ключей”, большое эссеистическое повествование “Нас было много на челне. . .” о сибирских поэтах М. Вишнякове, А. Кобенкове и А. Казанцеве, статьи, очерки и рецензии на книги Ю. Кублановского, С. Куняева, Т. Четвериковой, а также цикл стихотворений.

. . . И уход Станислава Золотцева напоминал сюжет из истории русской литературы. После прощания в ЦДЛ из Пскова пришла машина с почётным караулом. Гроб перенесли в военный грузовик, и флотский офицер Золотцев отправился в последний путь, подобно Пушкину — через всю заснеженную среднюю Россию под охраной своих сухопутных собратьев-ратников. Земляки встретили его всем городским сообществом и проводили, как героя, под гром прощального салюта.

* * *

Станиславу Золотцеву

Этот дождь продолжается дольше, чем помнит душа, —
Это шлёп миллиона икринок по мокрому камню,
Шевеление влажного хаоса снится века мне,
А теперь замирает на кончике карандаша.

Этот дождь, пеленающий город, уходит туда,
Где лохматые горы укрыты белёсою дымкой,

И стоит Бобырган у реки одиноким владыкой,
И шумит на порогах Катуня живая вода.

Вот и я ухожу, ухожу, ухожу за дождём —
В ручейках и потоках, в слияниях и раствореньях,
Средь ложбинок и впадин, в излучинах и повтореньях
До заветного русла влекусь непорожным путём.

Где чешуйки, соринки, хвоинки и те лепестки,
Что становятся илом и лепетом золотоносным,
Под диктовку дождя нам за эту жизнь не поздно
Доструить, докатиться до лона великой реки.

Мы со Словом едины, мы капли, мы с неба вода,
Мы целуем солёные угли и сполохи пепла,
Чтобы кровь от любви и молитвы пылала и слепа,
И цвела! — круг души размыкая уже навсегда...